

Н. Д. СИЛИЧЕВА

ФРАНКОФОНΙΑ КАК СОВРЕМЕННАЯ ФОРМА ФРАНЦУЗСКОГО МЕССИАНИЗМА

Франкофония представляет собой международное сообщество, объединяющее 45 стран и ставящее перед собой прежде всего цель защиты, сохранения и процветания французского языка и культуры. В данном своем виде Франкофония сложилась относительно недавно, в 70-е годы. Однако ее идея и само слово «франкофония» возникли гораздо раньше, в 1880 г. Их автором стал французский географ О. Реклю (1837—1916), который, изучая ландшафт Франции и Северной Африки, решил составить классификацию жителей планеты, исходя из языка, на котором они говорят. Создавая свою типологию, Реклю попытался определить цифровые данные о численности франкоязычного населения, что и привело его к термину и понятию «франкофония», которое он впервые использовал в книге «Франция, Алжир и колонии» (1880). В число франкофонов он включал «всех тех, кто является или кому предназначено стать участником нашего языка»¹.

Реклю не ограничивался простой констатацией количества людей и народов, говорящих по-французски. Он рассматривал франкофонию в геополитическом плане, пытаясь с помощью нее предсказать вероятное ослабление влияния и роли французского языка и Франции в будущем. Учитывая негативные последствия поражения Франции в наполеоновских войнах и особенно во франко-прусской войне (1870—1871), а также других факторов, Реклю выдвигает далеко не оптимистический прогноз относительно судьбы французского языка: «Будущее человечество не слишком будет заботиться о прекрасных языках, превосходной литературе и исторических правах; оно будет оказывать предпочтение наиболее удобным для разговора и потому очень полезным языкам»².

Тем не менее Реклю не рассматривает судьбу французского языка в качестве безнадежной, связывая свои надежды прежде всего с франкофонией. Именно она, полагает он, сможет помочь Франции сохранять и поддерживать свой высокий ранг в мире. В этих целях Франции следует активнее расширять свои колонии, сосредоточив все свое внимание на Африке и используя язык в качестве основного средства освоения колоний. Реклю приемлет все пути и способы распространения французского языка, включая убеждение и принуждение, однако главным из них должна быть школа, система образования.

Проведенные Реклю исследования и сделанные им выводы относительно возможного будущего французского языка и самой Франции заслуживали серьезного внимания. Однако в то время положение французского языка было весьма прочным и благополучным, не давало оснований для беспокойства. Поэтому после смерти Реклю идея франкофонии оказалась забытой.

Второе рождение франкофонии состоялось после второй мировой войны, в начале 60-х годов. Оно произошло в ноябре 1962 г. — в связи с выходом в свет специального номера журнала «Эспри», посвященного положению французского языка в мире. К этому времени его позиции значительно ухудшились. Уже в 1918 г. при подписании Версальского договора по итогам первой мировой войны он потерял монополию единственного языка международной дипломатии, поскольку с ним по статусу уравнился английский язык. После второй мировой войны, при создании ООН, французский язык с трудом остался среди пяти официальных языков данной организации. Французский язык

¹ Цит. по: Chaudenson R. Vers une révolution francophone. P., 1989. P. 20.

² Ibid. P. 21.

вытесняется из европейских университетов, уступая место английскому и русскому. Начавшийся в конце 50-х годов процесс распада колониальной системы также ухудшал положение французского языка. Все это настоятельно требовало поиска новых путей и способов противостояния негативным тенденциям в положении французского языка и культуры. Следует отметить, что, как это ни странно и ни удивительно, но первыми к осознанию необходимости объединения международных усилий в деле сохранения высокого статуса французского языка и культуры пришли не французы. Это сделали жители канадской провинции Квебек и особенно представители бывших африканских колоний Франции. Отцами-основателями Франкофонии в ее современном виде считаются два африканских президента: Л. Сенгор — президент Сенегала и известный поэт, и Х. Бургиба — президент Туниса. К ним нередко присоединяют также имя А. Диори — президента Нигера.

В целом возникновение Франкофонии было обусловлено тремя важными историческими событиями. Первым из них стал распад колониальной системы, деколонизация, которая требовала определить судьбу того образования, которое раньше называлось французской колониальной империей, народы и страны которой, выступая за политическую независимость, не хотели порывать тесных связей с бывшей метрополией. Вторым событием стал процесс самоосознания и самоутверждения франкоязычного населения канадского Квебека своей квебекской идентичности. Этот процесс был назван «спокойной революцией», хотя в ходе его имели место весьма острые и напряженные моменты. Наконец, для возникновения Франкофонии большое значение имел невиданный прогресс современных средств коммуникации и транспорта, которые необычайно сблизили людей, народы и континенты, обеспечили не только безграничную возможность, но и легкость встреч и контактов между ними.

Затронутые события составляют непосредственные причины появления современной Франкофонии. Однако эта Франкофония с большой буквы не могла бы возникнуть без существования франкофонии с маленькой буквы, которая означает совокупность всех людей и народов, говорящих по-французски, и которая стала следствием многих причин и событий, уходящих в далекое прошлое Франции. Среди них особое место занимает французский мессианизм, современной формой которого стала Франкофония.

Мессианизм, как известно, присущ многим религиям, в особенности иудаизму и христианству. Он означает веру в пришествие мессии, т. е. искупителя и спасителя, который восстановит Царство Божие на земле, установит справедливое братское общество, сделает людей счастливыми. Наряду с ожиданием мессии он предполагает стремление способствовать его пришествию, убеждение быть призванным способствовать этому и долг призывать к этому других. Мессианизм также характеризует народы и культуры, которые пронизаны такого рода верой и долгом.

Одним из таких народов стал французский. Он намного раньше других и гораздо сильнее оказался пропитан христианской религией в ее самой универсалистской форме — католицизма. Возникшее на его основе строго централизованное и сильное государство с эффективной экономикой превратилось в одну из самых блестящих цивилизаций, что в свою очередь сделало французский мессианизм одним из самых мощных, способных успешно распространять свое влияние по всему миру. Основу распространения французского мессианизма составляли колониальные владения Франции. Однако созданная Францией колониальная империя существенно отличалась от других. Испания, Португалия, Голландия и даже Англия, расширяя свои колонии, оставались как бы закрытыми на самих себя, интровертными. Они захватывали все новые территории, извлекали экономическую выгоду, но не пускали там корни, не слишком заботясь о проникновении в душу населения. Франция поступала иначе. Не забывая о меркантильном интересе, она умело сочетала его с мессианскими целями. Отец Баллу, французский миссионер в Китае, еще в 1568 г. по этому поводу писал: «Хотя

путешествие, предпринимаемое в Китай, основной своей целью имеет славу Божию и обращение душ, оно позволяет соединить его с полезным..., ибо прибыль, которую можно там получить, составляет более трехсот процентов»³. Тем не менее главными мотивами все-таки были духовные.

Французские миссионеры оказались лучшими «ловцами человеческих душ». Поэтому весь католический мессианизм в течение нескольких веков опирался главным образом на Францию, выступавшую как «старшая дочь Церкви». Примерно 80% христианских миссионеров были французскими. Благодаря этому Франция стала главной мессианской державой, которая в течение столетий оказывала наиболее сильное духовное и интеллектуальное влияние за пределами своих границ.

До XVII в. христианский мессианизм, в котором важное место занимает католический прозелитизм, выступает основной составляющей французского мессианизма. В последующем он приобретает все новые измерения. В XVIII в. Франция, оставаясь «самой близкой к Мессии», добавила к своему мессианизму другую важную составляющую: французский язык. В конце того же века, вместе с Великой Французской революцией, французский мессианизм приобретает еще одно важное качество: гуманизм, суть которого выражают идеи свободы, равенства, братства, солидарности. После этого Франция относит на свой счет открытие идеи прогресса, социализма, интернационализма, современного светского государства, международного и технического сотрудничества и т. д.

В самом общем виде французский мессианизм может быть определен как совокупность универсальных мифов, идей, идеалов и ценностей, на которых покоится внешняя культурная деятельность Франции. Главными его составляющими являются католический мессианизм, универсализм французской цивилизации, французский язык и гуманизм.

История становления и эволюции французского мессианизма охватывает более пяти столетий. Первое яркое проявление признаков мессианизма произошло в XV в. и было связано с именем Жанны д'Арк, которая во время Столетней войны возглавила борьбу французского народа против английских захватчиков, совершила героический подвиг и приняла мученическую смерть на костре. Ей принадлежат знаменитые слова: «Кто воюет против Святого Королевства Франции, воюет против короля Иисуса».

Подвиг Орлеанской девы далеко выходил за рамки патриотизма. отождествив Францию с Богом, она четко выразила претензии Франции на универсализм. Покушение на французский народ означало покушение на все человечество, а его спасение — спасение всего человечества.

В XVII в. заметный вклад в процесс становления французского мессианизма внес поэт Ж. дю Белле, выдвинувший идею, согласно которой Франция является «матерью искусств, военного дела и законов». Он также опубликовал примечательный трактат «Защита и прославление французского языка». Сделанное им дополнил философ М. Монтень, объявивший Париж «славой Франции и красой мира».

Значительное усиление французского мессианизма происходит в XVII в., при Людовике XIV, когда широкое распространение получает тема «короля-солнца», через призму которой внушается мысль о блеске и сиянии короля, а также мощь, величие и сияние Франции. Помимо этого, усиливается прославление цивилизаторской и универсалистской миссии Франции.

В XVIII в. становление французского мессианизма завершается. Он приобретает определенную независимость, становится самостоятельным и особым феноменом и как таковой утверждается в сознании и мышлении французского народа, входит в литературные и философские произведения. Его ядром выступает прежде всего универсальность французского языка и цивилизации. Об этом свидетельствует ряд

³ Цит по: Brunot F. Histoire de la langue française. V.VIII. P., 1969. P 107.

важных событий и явлений, одним из которых стало выражение «французская Европа», получившее широкое хождение и всеобщее признание в европейских странах. Другое событие связано с проведенным в 1782—1783 гг. Берлинской академией конкурсом ответов на вопрос об универсальности французского языка. В ответах обоих победителей конкурса — француза Риварола (итальянца по происхождению) и немца Шваба — помимо обоснования универсальных свойств и достоинств языка, отчетливо проводится мысль об особом месте и роли Франции и французской цивилизации, о том, что Франция «необходима миру» и что она должна «быть сохранена».

Самым важным событием XVIII в. и Нового времени стала Великая Французская революция. Она также отводит особое место французскому языку, рассматривая его как главное средство создания единой французской нации и способ распространения просветительских и революционных идей внутри Франции и за ее пределами. Французская революция имела огромное, решающее значение для утверждения универсализма французской цивилизации, для прославления ее исключительной ценности для всего человечества, для ее отождествления с цивилизацией вообще. Все это нашло яркое выражение уже в самом начале Революции, в принятой Учредительным собранием «Декларации прав человека и гражданина» (авг. 1789 г.), которая была задумана в духе христианства, философии Просвещения, французского универсализма и которая была создана «для всех людей, всех времен, всех стран».

В таком же духе принимались многие другие документы и решения, выдвигались новые идеи и цели, провозглашались новые лозунги. Они были обращены не только к французскому народу, но ко всем европейским странам, ко всему человечеству. Выступая перед Конвентом, Сен-Жюст, один из лидеров Революции, заявлял: «Пусть Европа знает, что на французской территории больше не будет ни одного угнетателя и ни одного несчастного, что этот пример сделает землю более плодородной, что он пробуждает любовь к добродетелям и несет людям счастье. Счастье является новой идеей в Европе».

Завершающим аккордом в становлении французского мессианизма стала книга Р. Шатобриана «Гений христианства» (1802), в которой развивается тема христианского подвижничества, через которую по-особому полно и глубоко раскрывается роль Франции в утверждении и распространении христианского учения. Благодаря этому и другим произведениям Шатобриана французский мессианизм приобретает философское измерение и впервые осознается и предстает во всей своей завершенности, значимости и масштабности.

В XIX в., до франко-прусской войны (1870—1871), французский мессианизм активно и успешно распространяется в европейских странах и на других континентах. В его пропаганде, как отмечает Ж. де Местр, принимает участие чуть ли не все французское население. Французы искренне и глубоко верят в то, что им принадлежит «и мир, и свобода», о чем поется в «Прощальной песне» Э. Мегюля. Они страстно хотят убедить другие народы в том, что от судьбы «великой нации», каковой они считают свою собственную, зависит судьба всего человечества, что «сеятельница» Франция должна быть «светочем» и «предводителем» человечества.

Французские ученые, писатели и философы приводят все новые аргументы и обоснования французского универсализма и исключительного предназначения Франции. Ф. Гизо, известный историк и политический деятель, развивает мысль о том, что французская цивилизация воплощает гораздо более верно, чем любая другая, общий тип, фундаментальную идею цивилизации вообще. Ж. Мишле, представитель романтизма в историографии, рассуждает о том, что Франция, создавшая самую абстрактную и вместе с тем самую ясную и понятную для всех литературную прозу, в наибольшей степени предназначена для выражения мышления всех наций. В книге «Народ» он отстаивает право и привилегию Франции укреплять и распространять свой мессианизм повсюду, поскольку именно ее деяния служат всему человечеству, лучше всего воплощают идею искупления. Он считает, что французская нация, будучи по своей природе щедрой и

братской, играет освободительную роль как для всех народов, так и для каждого человека в отдельности.

Франко-прусская война стала поворотным пунктом в истории французского мессианизма. Поражение Франции в этой войне имело для него серьезные последствия. В целом он сохраняет свое влияние, однако его эволюция идет по нисходящей. В XX в. данная тенденция усиливается, чему способствовали две мировые войны. К этому времени внутри мессианизма выделялись три тенденции, две из которых существовали и раньше.

Первая, возникшая после франко-прусской войны, выражала скептицизм и пессимизм, попытки отказа от французского мессианизма, сомнение в его адекватности сложившемуся соотношению сил в мире. Вторая, напротив, отличается оптимизмом, глубокой верой в освободительную и универсальную миссию Франции, в то, что она сможет соответствовать своему высокому назначению.

Третья тенденция возникла в послевоенное время и в 50-е годы быстро набирала силу. Именно она в конечном счете приняла форму Франкофонии, идея которой родилась еще в XIX в., однако реальным явлением она смогла стать лишь недавно. Эта тенденция с самого начала делала акцент на французском языке, продолжая линию Э. Ренана, который первым начал превращать его в объект особого культа, в основной знак французского гения и главную опору французского мессианизма. Став Франкофонией и ведущей формой французского мессианизма, эта тенденция сосредоточила свое внимание на французском языке, культуре и гуманизме. Французский мессианизм при этом претерпевает существенные изменения.

В прежнем своем виде он во многом представлял собой европоцентризм, воплощением которого выступала Франция с ее универсальной цивилизацией, культурой и языком. В послевоенное время Франция объективно уже не может претендовать на прежнюю свою роль в мире. Последняя перешла к США, которые благодаря военно-экономической мощи стали главной супердержавой. Франкофония учитывает эти изменения и сложившееся соотношение сил.

Мистический, религиозный и мифологический аспекты французского мессианизма Франкофония отодвигает на задний план. Тема универсальности французской цивилизации также не является в ней центральной, а сама универсальность понимается по-другому. Франкофония направляет французский мессианизм на то, что еще совсем недавно было колониальной империей. Опираясь на бывшие колонии, она стремится построить «культурную империю», основанную на совершенно новых принципах и отношениях. Прежние понятия метрополии и колонии, как и прежний патернализм, уходят в прошлое и уступают место братскому союзу свободных народов. Развитые страны Севера вступают в равноправные отношения с развивающимися странами Юга.

Создаваемая культурная империя должна стать настоящей «империей духа». Она представляет собой многонациональное братское сообщество, основанное на французском языке, взаимном и плодотворном диалоге культур, тесном и всестороннем сотрудничестве входящих в него стран. Возникающее благодаря Франкофонии сообщество можно также определить как Федерацию равных и сохраняющих свою самобытность и достоинство культур, скрепленных общим языком и приверженных высоким ценностям гуманизма. С. Фаранджи определяет Франкофонию как «универсальное братство, покоящееся на полифонии культур мира»⁴.

Непосредственные свои задачи Франкофония видит в том, чтобы защитить французский язык и его качество от растущего давления со стороны англо-американского языка, следствием чего являются странные гибриды в виде «франгле» или «френглиш». При этом «Франкофония не противопоставляет себя англофонии. Она вступает в

⁴ Farandjis S. Francophonie fraternelle et civilisation universelle. P., 1991. P. 245.

конфликт с последней лишь тогда, когда та представляет себя как универсальный способ выражения, дополняющий волю к планетарному экономическому господству»⁵, Франкофония стремится сохранить единство французского языка повсюду, где он используется, способствовать распространению и усилению влияния французского языка и культуры во всем мире. Через выполнение этих и других задач она преследует и более масштабные цели, связанные с тем, что ставил перед собой французский мессианизм, внося при этом необходимые коррективы.

Раньше французский мессианизм исходил из того, что универсальная цивилизация уже существует и ее высшую и лучшую модель представляет Франция. Другим народам оставалось лишь принять то, что щедро предлагала Франция. Теперь Франкофония исходит из того, что универсальную цивилизацию еще надо будет создать, опираясь на французский язык и культуру. В создании такой цивилизации могут принять равноправное участие все желающие.

Раньше Франция хотела ассимилировать других, теперь она стремится ассимилировать себя с другими, прежде всего с теми, кто разделяет с ней французский язык и культуру, а в пределе — со всем человечеством. Ради этой благородной цели Франция, как и раньше, готова проявить щедрость и жертвенность, оставаясь верной христианству и французскому мессианизму. Универсальная цивилизация должна быть не французской, а франкофонной. Она должна объединять множество различных и разнородных культур, единство которых покоится на братской солидарности.

Франкофония выступает эффективным способом сохранения Францией своего высокого положения и величия, которые все больше оказываются под вопросом. Ш. де Голль в последние годы жизни остро переживал снижение мирового статуса Франции, перед которой стояла реальная угроза раствориться в атлантизме, утратить свою исключительность. Он отмечал, что, если Франция перестанет быть великой державой и не будет играть важную роль в мировой политике, она превратится в ничто.

Весьма остро ту же мысль развивает Я. де Монтера, которая пишет: «Франция не имеет права стать Швейцарией... Есть путь, который для французов морально запрещен: путь маленькой Франции... Глупо выходить из мировой истории, когда был уплачен такой огромный и тяжелый вступительный взнос в закрытый клуб ее авторов»⁶. По ее мнению, особо тяжелые последствия имела бы утрата Францией ее культурного величия. По этому поводу она утверждает: «Культурная отставка привела бы страну — более неизбежно и более быстро, чем другую — к потере дыхания, а затем к увяданию и отчуждению»⁷.

Франкофония помогает Франции избежать подобной участи. Она «позволяет Франции оставаться страной, которая оказывает давление на мировую шахматную доску, делая это в гораздо большей степени, чем своим экономическим и демографическим весом»⁸.

Свое назначение Франкофония видит в том, чтобы быть оплотом духовности и гуманизма, противостоять наступлению крайнего материализма американской цивилизации и примитивизма американской массовой культуры, несущей миру безжизненную стандартизацию и униформизацию.

⁵ Barrat J. *Géopolitique de la Francophonie*. P., 1997. P. 166.

⁶ Montera H. de. *La francophonie en marche*. P., 1966. P. 77.

⁷ Там же. P. 79.

⁸ Guillou M. *La Francophonie. Nouve! enjeu mondial*. P., 1993. P. 13.